

РИММА КАЗАКОВА:

Мы обойдемся без государства, но обойдется ли государство без нас?

30 октября Союз писателей Москвы отметил свое десятилетие. Накануне праздника мы взяли интервью у первого секретаря СПМ поэта Риммы КАЗАКОВОЙ. Беседа получилась совсем не юбилейной — не о творческих успехах, а о том, что остается в тени: как живут сейчас наши писатели и их творческий союз, члены которого с 91-го года, по сути дела, пенсионным законодательством приравнены к тунеядцам.

— Римма Федоровна, за эти десять лет так много изменилось, в том числе и отношение общества к литературе.

— Когда-то Леонид Мартынов писал: "Удивительно мощное эхо. Очевидно, такая эпоха". Было время, когда литература была гораздо сильнее востребована, чем сейчас, и проблемы сбыта этого товара не существовало. Как сейчас ищут редкие лекарства, так раньше искали книгу, ценную, необходимую, даже в годы войны на нее был спрос, был острый дефицит. Современному подлинному, профессиональному писателю обидно, что совсем еще недавно он принадлежал к самой элитарной элите, к числу наиболее достойных и вызывающих интерес членов общества, а сейчас все как-то так перевернулось, что бизнесмен подчас оказывается нужнее в нашем сложном, запутанном, страшноватом быту.

— Каково сейчас положение писателя?

— Все, что писатели имели, они потеряли. Все. Скажем, право на дополнительную площадь. А что сейчас делается? В 91-м году был принят указ, согласно которому членство в творческом союзе больше не засчитывается как производственный стаж.

— Разве его еще не отменили?

— Нет, и каждый раз, когда к нам в союз приходит человек, достигший пенсионного возраста, мы хихимичим и думаем, куда его пристроить... Договариваемся с каким-нибудь журналом, чтобы дали справку, что он там якобы работал. То есть по деньгам он может доказать свое право на пенсию, а по стажу — из-за этого указа — нет. Шесть лет у нас судят да рдят, но нормального закона о творческих организациях

принять не могут. Пенсию писатель, работавший всю жизнь без отпусков и выходных, получает такую же, как, предположим, человек, который работал дворником или продавал в киоске газеты.

Нас уравнили. Была советская уравниловка, а сейчас вот есть постсоветская уравниловка, она покруче той будет. Писатели потеряли свою поликлинику, потому что в условиях всеобщей неразберихи кто-то ее продал кому-то. Ну все мы потеряли. У нас нет ничего. Те, кто половчее, прихватили то, что могли прихватить. А самое главное, выход книги в свет ничего нам сейчас не дает, по крайней мере в материальном плане. Писатель или издает ее за свой счет, то есть сам платит за ее издание, или, если имя популярное, тираж выходит большой и быстро раскупается, то зарабатывает сущие копейки, то есть прибыль получает кто-то другой, издательство, а не писатель. Вот у моего сына вышла книжка рассказов. Совершенно замечательная книжка, а заплатили ему за нее 300 долларов.

— По нынешним временам не так уж и мало.

— Да, но можно ли на это жить? И можно ли так оценивать труд писателя? Я получила за свою книжку "Избранные стихи и песни", вышедшую в издательстве "Феникс", 2000 рублей. Точнее, получила больше, но я купила у них, у издательства же, часть (100 экз.) тиража за две с чем-то тысячи. Короче, больше 300 долларов я тоже не заработала на этой книжке. Между тем, написав за ночь песенку, я могу заработать до пятисот долларов. Все эти годы в шоу-бизнесе была такая система оплаты — из кармана исполнителя. Мы просто продавали текст напрямую певцам. И лишь на эти деньги я

Р.Казакова

могла как-то существовать. Но лучшее, что я делаю, — это стихи, а как бы я жила на них? Только и оставалось бы кофточку вязать. У меня такие строчки и есть: "Я стихи всю жизнь писала, были, в общем, неплохи. Лучше б кофточки вязала, ну кому нужны стихи?" А стихи все-таки нужны. И тут мы подходим к вопросу...

— Кто виноват?

— "Виновата доля кочевая..." Виновато время, оно так сильно поменялось. Мы живем в эпоху великих перемен, когда, по моим наблюдениям, как правило, так и бывает. Все начинается с великой эйфории. Время романтиков и романтики. Потом приходит отрезвление. И вдруг

с ужасом видишь, что стало хуже, чем было.

— Виноватых нет?

— Нет, есть виноватые. Все-таки, сказавши "а", скажи и "б". Реформы надо проводить до конца, до сих пор у нас нет нормальной налоговой системы. Земельная реформа не осуществлена. Короче, можно было более резво и более четко реформы проводить, и мы давно бы уже переболели тем, чем нам еще предстоит переболеть. И потом, вот мы слышим, что инфляция уменьшается, заработали предприятия, так почему хлеб дорожает и квартплата повышается? Цены растут, жить становится все труднее. А когда на фоне всеобщего обнищания и беспер-

спективности видишь, как народные избранники (публично причем — по телевизору ведь видим) выдирают друг у друга волосы в споре, сохранить там неприкосновенность депутатскую или нет, как наши парламентарии лоббируют, получают деньги, то все это так малопримечательно... В результате авторитет парламента падает, и задумываешься над тем, а не лучше ли был Верховный Совет, назначенный из тех-то и тех-то и призванный только поднимать руки и одобрять уже принятое решение. Нет, не лучше. Дело в том, что просто все, что берешься делать, по-моему, надо делать очень хорошо. Блистательно. Чтобы подтвердить правильность выбора. А он был правильным, потому что жить больше в советской лакированной тюрьме нельзя было. Нельзя было жить в стране, где ничего не покупали, а только доставали. Где за кордон дорога была открыта только "лучшим представителям", устами которых обычно, как говорится, "коныак пьют".

— Что же делать государству, предпринимателям, писателям?

— Государству... Недавно я была у одного крупного госдеятеля, и он сказал: "Не на что жить — распустил союз. Зачем это вам? А если все-таки живете, то не взваливайте свои проблемы на государственные инстанции". А я ему ответила: "Я с вами не согласна. Мы ничего не будем просить у государства. Но государство-то соображает, что детей надо растить не вывихнутыми уродцами, вскормленными на чтиве, на барахле каком-то?" Даже когда я своей внучке читаю сказки Пушкина, я вижу, как лексика у ребенка меняется. Как он наполняется национальным духом, просветляется и растет настоящий человек, глубокий, тонко чувствующий. И что ж, начисто забыли о духовной жизни и творцах этой духовной жизни? Мы обойдемся без государства, но обойдется ли государство без нас?

Предприниматели... Многие из них действительно помогают другим, скажем, церкви реставрируют. Почему они это делают? То ли боятся Страшного суда, то ли... Вот я ез-

дила по Подмосквовью на машине, когда она у меня была, и видела церквушки, из которых не то что трава росла — из крыши росли деревья. И, наверное, какой-нибудь предприниматель думает: "Ну что ж, вот стоит храм. Надо помочь восстановить". Идет на сталелитейный завод, делает заказ, оплачивает его, льет колокола для этого храма. Благое дело. А другой думает: "Дети у меня растут. Дам-ка я деньги на детское издательство, пусть хорошую литературу выпускают, чтобы ребенку было что читать".

Ведь и Москву-то построили не рабочие и крестьяне, а меценаты. В Москве есть такой Музей меценатов, где можно узнать, как Морозовы, Бахрушины, Сытины, Рябушинские, Демидовы и другие строили, собирали и украшали. Какими бы они там ни были, но все-таки давали деньги на то, что осталось на века. Когда-то мой сын лежал в глазном отделении Морозовской больницы. Я наприсилась помогать в отделении — все делала, чтобы меня там терпели. Дежурила, за детьми ухаживала, разносила еду, кормила их с ложки, потому что они незрячие, и одновременно сына своего спасала. И там на двери раздаточной, куда привозили питание для детей, слово "буфет" было написано с "ятем". Это была еще дореволюционная табличка. И я вдруг почувствовала, как же это здорово, вот как будто века прошли через меня, время качнулось и стало, и оказалось вечной субстанцией. И я подумала: "Добро вечно. Заветы предков вечны. Ars longa, vita brevis (Жизнь коротка, искусство вечно)". И поэтому, что бы ни происходило, как бы ни менялись руководство, политика, как бы ни уменьшался или ни увеличивался долг нашего бедного запустевшего государства Западу, Востоку и я не знаю кому, царю небесному, мне кажется, надо служить вечным ценностям. Всем надо — государству, предпринимателям, писателям.

Беседу вел
Павел НУЙКИН